

УДК 811.161.1

ВНЕШНИЙ ОБЛИК ЧЕЛОВЕКА В УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЯХ РУССКИХ ДИАЛЕКТОВ

© 2018 г.

А.М. Мяжкова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва

9m_alena@mail.ru

Поступила в редакцию 02.06.2018

На материале компаративных сочетаний в русских диалектах рассматривается образный характер вторичных номинаций, выявляется их ассоциативная природа и оценочная составляющая. Подобное описание даёт возможность проанализировать фрагмент диалектной языковой картины мира и выявить специфику восприятия мира и человека, а также отношения к нему в русских диалектах, восстановить не только систему эталонов, но и систему ценностных установок носителя диалектного языкового сознания.

Ключевые слова: вторичная номинация, русские говоры, диалектная языковая картина мира, языковое сознание.

Образ человека находится в центре национальной культуры и является одним из основных как в диалектной, так и в общезыковой картине мира. Диалект является «средством общения населения исторически сложившейся области со специфическими этнографическими особенностями, единицей лингвоэтнографического членения, обрисовывающегося на карте совокупностью языковых и этнографических границ, универсальной формой накопления и трансляции этнокультурного своеобразия языковой картины мира диалектоносителей, что проявляется, в первую очередь, на его лексико-фразеологическом уровне» [1, с. 5]. Поэтому исследование диалектных компаративных языковых единиц, номинирующих человека, помогает в полной мере представить образ человека в русском языке.

Любые представления человека об окружающем его мире формируются в языковом сознании и во многом обусловлены ассоциативным характером человеческого мышления [2, с. 109]. Под этим термином понимают механизмы, обеспечивающие порождение, восприятие речи и сохранение языка в сознании. Л.С. Выготский называл словом акт сознания, а А.А. Потебня отмечал, что «при помощи слова человек снова узнаёт то, что уже было в его сознании. Он одновременно и творит новый мир из хаоса впечатлений, и увеличивает свои силы для расширения пределов этого мира» [3, с. 302].

В языковом сознании выделяется и диалектное языковое сознание. Под ним понимается «взаимосвязанная система мнений, ощущений, представлений, суждений диалектоносителей об окружающей действительности, репрезентируемых языковыми единицами – словами, сво-

бодными и устойчивыми словосочетаниями, высказываниями, текстами» [4, с. 16].

В данной статье рассматривается фрагмент диалектной языковой картины мира «Внешность человека». Внешность человека традиционно складывается из нескольких составляющих: рост, полнота, наличие или отсутствие физических недостатков. Поскольку описание внешнего облика человека всегда ценностно окрашено, характеристики его можно распределить в соответствии с двумя противоположными по значению оппозициями, позитивными и негативными: высокий – низкий, толстый – худой, красивый – некрасивый, здоровый – нездоровый, чистоплотный – неряшливый.

В сибирских и иркутских говорах высокий человек ассоциируется с высокими и длинными объектами: с засохшим деревом: *длинный, как сухостой; длинный, как жердь; высокий, как сосна*. В ярославских говорах высокий человек сравнивается с дудником (растение семейства зонтичных): *как дидло высокий*, а высокая женщина – с гагарой (птица с длинной шеей): *как гагара вытянулась*. Худую и высокую девушку сравнивают с венчиком-взбивалкой: *как мutowка*. Некрасивого, нескладного, высокого роста человека сравнивают с изгородью или перегородкой: *как прясло*. В рязанских говорах длинная палка легла в основу номинации тощего, худого и длинного человека: *дрын дрыном*. В свердловских и новгородских говорах слишком высокий человек ассоциируется с петлёй: *долгая висля*. Напротив, невзрачный мужчина невысокого роста в иркутских говорах имеет вторичное наименование *мужичок-червячок*, а в ярославских сравнивается с охлопком: *как охлопок* (остаток непряженого льна, ваты или шерсти) [5].

Отдельную группу описания внешности человека образуют номинации по признаку полноты-худобы. В псковских говорах худого, сухощавого человека сравнивают с тонкими ногами барана, называя *бараньи лытки*. В донских говорах об очень худом человеке говорят: *высох, как балык* (проводится сравнение с солёным и провяленным мясом рыб). В ярославских говорах худого, тощего человека сравнивают с ветошью: *как ветошка*; а измождённого, худого человека – с крошкой, кусочком еды: *как мошкорка*. Худого, измождённого человека в Сибири сравнивали с крестьянской обувью, надеваемой на покос: *как поголёшка*. В иркутских говорах об очень худой женщине говорят: *глиста в корсете; сухая, как мост*; а худого человека вообще сравнивают с щепкой: *как щепка*. Однако в иркутских говорах есть ряд сравнений худой девушки, женщины с объектами окружающего мира, имеющими небольшую ширину: *тонкая былиночка; тонкая, как жердь; тонкая, как змея; тонкая, как палка; тонкая, как травинушка; тонкая, как шпилька; тонкая, как цука*. Очень худой мужчина, юноша имеет наименование *тонкий, как фитиль*. Человека упитанного, толстого обычно сравнивали с крупным животным, обычно со свиньёй. В ярославских говорах боров, свинья назывались *борувимом*, с которым и сравнивался толстый человек. О крупном, упитанном ребёнке говорили: *как мякинник* (мякинник – это телёнок на первом году жизни). Толстую, неповоротливую женщину сравнивали с индюшкой: *как индюха переваливается*; а толстую и неряшливую женщину называли *квашня квашнёй*, проводя аналогию с забродившим тестом, стремительно увеличивающимся в объёмах. В Вологде крупный, упитанный ребёнок ассоциировался с *кринкой с маслом*. В воронежских говорах об очень толстом человеке говорили: *лось лосем*. Также номинация *тёртый калач* ранее в русском языке обозначала толстого человека, а позже из литовского языка пришло всем известное значение опытного и бывалого человека [5].

Физическое состояние человека является одной из важнейших жизненных характеристик, показателей человеческого здоровья и полноты жизни. Выражение *волоный конь* как характеристика сильного и здорового человека встречается во многих русских говорах, и потому в русской культуре здоровье человека ассоциируется с лошастью или конём. В донских говорах такое сравнение проводится с буйволом: *здоровый, как буйвол*; в рязанских – с лосём: *здоровый, как лось*. В ярославских говорах о крепком, здоровом человеке говорят: *здоровый, как боровик, как торба* (заплечная сумка). Физически креп-

кого и сильного человека в иркутских говорах сравнивают с волком: *здоровый, как волк*, и, что примечательно, с трактором: *сильный, как трактор*. В Сибири человек в расцвете здоровья и сил имеет наименование *самый сок*, что близко к общеупотребительному *в самом соку* [5].

Физическая слабость, подорванное здоровье, болезнь также находит языковое воплощение в средствах вторичной номинации. В архангельских, псковских и сибирских говорах существует сравнение больного человека с камбалой, видимо, по странному расположению глаз у данного вида рыбы: *косая камбала* (косоглазый человек), *кривая камбала* (одноглазый человек), *слепая камбала* (близорукий человек). В сибирских говорах человека глухого от рождения или потерявшего слух называют *курицей безухой* или *глухим пестерем* (пестерь – заплечный мешок, ранец) [5].

Основой вторичных названий человека могут стать особенности внешнего вида человека. Здесь также актуализируются положительные и отрицательные коннотации, связанные с восприятием его красоты и внешнего вида («красивый» – «некрасивый»), его одежды («чистая» – «грязная») и т. д. Стройного, красивого человека в Сибири сравнивают с вербой: *как верба*, а в иркутских говорах красивую румяную молодую девушку – с ягодой: *как ягодка*. Сравнение очень красивого человека с картиной наблюдается в ярославских и пермских говорах: *как портретина, как список, как картинка*. Человека с непричёсанными волосами в иркутских говорах сравнивают с *кедром* по виду его развесистой кроны. О человеке (обычно мужчине), который постоянно сутулится, говорят: *ходит как крючок*. В ярославских говорах нескладную женщину называют *банной кочергой*, а нескладного, некрасивого, обычно высокого роста человека сравнивают с *пряслем*: *как прясло* (прясло – часть изгороди от столба до столба). Также прясло является вторичной номинацией для человека, у которого безобразное, неприятное, несоразмерное лицо [5].

В говорах отразилась и неаккуратность, небрежность в одежде человека. В ярославских говорах небрежно, безвкусно одетого человека сравнивают с лепёшкой из ржаного теста – кокурой: *как кокура нарядился*; с большим заплечным мешком, кулем – *как куль оделся* (обычно о человеке, который оделся не по росту или не по фигуре); с попоной для лошади, понявой – *как понява* (о безвкусно и неряшливо одетом человеке); или с покрывалом из холста, которым раньше покрывали сундук – *как попя* (обычно о человеке в длинной, нескладной

одежде). А толстую и неряшливую женщину называют *кокорой нечёсаной* (кокора – «дерево, вырванное с корнем бурей») [5, с. 59]. В иркутских говорах оборванного и грязного человека называют *коршуном*: *коршун тряпичный*, а нечистоплотного человека сравнивают со свиньёй: *ходит, как свинья*, в сибирских говорах есть выражение *чучело заболотское*, обозначающее грязнулю, неряху [5].

Оценочные вторичные номинации, представляющие различные черты внешнего облика человека, формируют его образ в сознании носителей языка в соответствии с территориальными особенностями жизни русских людей. Например, в сибирских и иркутских говорах в роли вторичных номинаций человека чаще выступают наименования деревьев и растений, а в говорах Центральной России – предметы быта и домашнего обихода. Также стоит отметить близость метафорических номинаций человека в русских диалектах к вторичным номинациям в русском литературном языке – многие из них общеупотребительны по всей территории России и закрепились в лексическом запасе носителей языка. Таким образом, вторичные номинации человека в русских диалектах являются

не только средством выражения эталонов и ценностей в диалектной картине мира, но и средством пополнения и обогащения тематической группы «Внешность человека» в русском литературном языке.

Список литературы

1. Брыкина Е.В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона: Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2003. 543 с.
2. Маркова Е.М. Человек средствами косвенной номинации: универсалии и уникалии в славянских языках (сопоставительный анализ на материале русского и чешского языков) // Фразеологическое пространство национального словаря в сопоставительном аспекте: Коллективная монография / Под ред. Т.М. Федуленковой. Т. 2. М., 2014. С. 108–128.
3. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНО, 1993. 302 с.
4. Шкабара Н.И. Лексические и фразеологические диалектные единицы, характеризующие человека по умственным способностям, в донском диалекте: системная организация и мотивационные отношения: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 191 с.
5. Алексеенко М.А., Литвинникова О.И., Белосова Т.П. Человек в русской диалектной фразеологии: Словарь. М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2004. 238 с.

APPEARANCE OF A PERSON IN SUSTAINABLE COMPARISONS OF RUSSIAN DIALECTS

A.M. Myagkova

The article examines some issues concerning the verbalization of a person's external qualities in secondary nominations in Russian dialects. The material of comparative combinations is used to consider the figurative nature of secondary nominations. We reveal their associative nature and their evaluative component. This kind of description makes it possible to analyze a fragment of the dialectal language picture of the world and to reveal the specific features in the perception of the world and person, as well as the attitude towards it in Russian dialects. Thus, we reconstruct not only a system of standards, but also a value system of the carrier of dialectal linguistic consciousness.

Keywords: secondary nomination, Russian dialects, dialectal language picture, linguistic consciousness.

References

1. Brykina E.V. Ehtnolingvokul'turologicheskie osnovy dialektnoj frazemiki Dona: Dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2003. 543 s.
2. Markova E.M. Chelovek sredstvami kosvennoj nominacii: universalii i unikalii v slavyanskix yazykax (sopostavitel'nyj analiz na materiale russkogo i cheshskogo yazykov) // Frazеologicheskoe prostranstvo nacional'nogo slovaryа v sopostavitel'nom aspekte: Kollektivnaya monografiya / Pod red. T.M. Fedulenkovej. T. 2. M., 2014. S. 108–128.
3. Potebnya A.A. Mysl' i yazyk. Kiev: SINTO, 1993. 302 s.
4. Shkabara N.I. Leksicheskie i frazeologicheskie dialektnye edinicy, harakterizuyushchie cheloveka po umstvennym sposobnostyam, v donscom dialekte: sistemnaya organizaciya i motivacionnye otnosheniya: Dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2012. 191 s.
5. Alekseenko M.A., Litvinnikova O.I., Belousova T.P. Chelovek v russkoj dialektnoj frazeologii: Slovar'. M.: IТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2004. 238 s.